

«ОБЩЕЕ ДЕЛО» И ЕГО ЗАКУЛИСНЫЙ РЕДАКТОР

Предисловие и публикация С. А. Макашина

Имя врача-терапевта и публициста Николая Андреевича Белоголового (1834—1895) было хорошо известно в либерально-демократических кругах русской литературы и общественности 1860—1880-х гг. Ныне оно основательно забыто. Его нет в новейших энциклопедиях и справочниках, за исключением медицинских. Единственная же книга Белоголового — «Воспоминания и другие статьи», выпущенная в свет в 1897 г. после смерти автора Г. А. Джаншиевым, была последний раз переиздана три четверти века тому назад (4-е издание — СПб., 1901).

Вошедшие в книгу воспоминания о декабристах, Некрасове, Тургеневе, Герцене, Салтыкове-Щедрине, Л. Толстом и других с полным основанием пользуются репутацией серьезнейших и достовернейших. Однако воспоминания Белоголового до сих пор не изданы в полном составе сохранившихся материалов. В бумагах его архива, находящегося в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, мы обнаружили рукописи двух важных мемуарных текстов, не вошедших в издание, подготовленное Джаншиевым. Содержание первого посвящено взаимоотношениям Герцена и «молодой эмиграции» середины 1860-х гг. Эти страницы (они зачеркнуты в рукописи самим Белоголовым) обнародованы нами, с предисловием Б. П. Козьмина, в «Литературном наследстве» (т. 63, с. 560—564). Второй текст, предлагаемый вниманию читателя в настоящей публикации — не вполне доработанная глава из воспоминаний Белоголового о его закулисном участии в самой долголетней газете русской эмиграции XIX в. «Общем деле», выходившем в Женеве в 1877—1890 гг. Глава, несомненно, не была включена в издание Джаншиева по причинам цензурного характера.

Рассказ о важнейшем общественном деле своей жизни Белоголовый сопровождает некоторыми общими автобиографическими сведениями и политическими признаниями. Слишком фрагментарные, они нуждаются в некоторых дополнительных справках для воссоздания более полного представления об авторе публикуемого документа, представляющего несомненный интерес для истории русской общественной мысли.

Н. А. Белоголовый родился в Иркутске в старинной купеческой семье среднего достатка. Его отец, человек развитой, следил за литературой, имел свою библиотеку и водил знакомство со ссыльными декабристами. Он сумел обеспечить детям хорошее образование. Первыми учителями Белоголового, заронившими в его сознание семена свободомыслия и гуманизма, были декабристы П. И. Борисов, А. П. Юшневский и А. В. Поджио. Среднее образование он получил в Москве в пансионе Эннеса. Здесь он обучался вместе со знаменитым впоследствии медиком С. П. Боткиным, дружбу с которым сохранил на всю жизнь. После окончания в 1850 г. пансиона, Белоголовый мечтал поступить на один из гуманитарных факультетов Московского университета, но более или менее случайно поступил на факультет медицинский. Закончив его в 1855 г., Белоголовый уехал на родину в Иркутск и работал там в должностях городского и окружного врача. В 1861 г. мы находим его вновь в Москве, где он готовит докторскую диссертацию, защищенную в 1862 г. В середине 1860-х годов Белоголовый поселяется в Петербурге, где быстро приобретает популярность в качестве врача. В 1870-х годах, сблизившись с литературно-общественной группой редакции «Отечественных записок», становится лечащим врачом и другом всех руководителей журнала — Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Елисеева. Еще раньше он заводит дружеские связи с Тургеневым и Толстым. Почти каждый год Белоголовый уезжал на лето за границу, где познако-

мился со многими политическими эмигрантами, в том числе с Герценом, Огаревым, Лавровым, Лопатиным, Зайцевым, Христофоровым и другими.

В 1877 г. в Берлине Белоголовый увидел первый номер «Общего дела», газеты русских политических эмигрантов, основанной в Женеве А. Х. Христофоровым при содействии М. К. Элпидина. О своем отношении к «Общему делу» и позднейшем участии в нем Белоголовый подробно рассказал в публикуемом отрывке из его воспоминаний.

Призванное по замыслу инициаторов заменить герценовский «Колокол», прекратившийся за десять лет до этого, новое издание и по условиям исторического времени и по составу своих сотрудников оказалось не в состоянии выполнить эту задачу. «Общее дело», хотя и помещавшее иногда статьи революционного содержания, стало зарубежным органом русской либеральной оппозиции. Политические взгляды Белоголового наложили значительный, а в последнее десятилетие существования газеты определяющий отпечаток на ее направление.

Каковы же были эти взгляды? Они правдиво и достаточно подробно изложены в публикуемом документе. Нам остается поверить их другими источниками, сгруппировать и исторически осмыслить.

Белоголовый крайне отрицательно относился к «порядку вещей» современной ему самодержавно-помещичьей России. Еще в 1861 г. в одном из своих писем к родным, рассказывая о мерах предосторожности, принятых правительством в связи с предстоящим объявлением манифеста об отмене крепостного права, Белоголовый писал: «Или они там в Питере без смысла трусливы, или же хороша должна быть та свобода, которую иначе нельзя возвестить народу, как с пистолетом в руке...»¹.

Положение пореформенной России Белоголовый находил «совершенно безвыходным» и полагал, что в ней неизбежна «народная дикая революция». Этой революции, «пути Пугачева», он страшился.

На таких же политических позициях Белоголовый оставался и позже. Правда, в период демократического подъема конца 1870-х годов Белоголовый «склонился» к «пути Пестеля» — к пути революционных или радикальных преобразований, но без участия широких народных масс. Этим определялась поддержка, которую оказывал Белоголовый на страницах «Общего дела» революционному движению, — несмотря на то, что оно в его глазах являлось «крайним и прискорбным проявлением духа прогрессивного общественного самосознания»². «Хотя я и не вашего прихода, — писал Белоголовый Лаврову, — а жаль, что партия «Народной воли» сходит со сцены, все же это была организованная партия протеста»³.

К середине 1880-х годов, в связи с углублением реакции в России, в политических настроениях Белоголового происходят сдвиги вправо. Он теряет и ту небольшую, нетвердую веру в активные силы русского общества, которая была у него раньше. «Наша интеллигенция, — пишет он Лаврову, — самым добродушным образом ковыряет у себя в носу, а вы все ждете, что она вот-вот двинется на какие-то баррикады. Ну и ждите, вы — блаженноверующие!»⁴. Иными словами, редактор «Общего дела» был не революционером, а либералом. Он и сам всегда называл себя «постепеновцем», «человеком умеренных взглядов», щедринским «средним человеком».

Товарищ Белоголового по редактированию «Общего дела» А. Х. Христофоров писал о нем: «Он не был революционером, потому что в тогдашних условиях не допускал возможности народной революции в России; не верил он и в успех пропаганды идеалов социализма в темных массах простого народа, хотя и не отрицал морального значения этих идеалов и их властной роли в будущем»⁵. В 1887 г., отмечая десятилетие «Общего дела», Белоголовый следующим образом сформулировал программу издания, которое уже ряд лет вел, в редакторском отношении, единолично: «Она заключается в борьбе с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков»⁶.

Действительно, признание необходимости борьбы с самодержавием с целью введения конституции объединяло всех сотрудников «Общего дела» — В. А. Зайцева и Н. А. Юренева, М. П. Драгоманова и П. Ф. Алисова, М. И. Венюкова и Н. А. Морозова, С. А. Подолинского и Н. В. Соколова, З. Стоянова и Н. М. Ядриянцева и др. Од-

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ
 Фотография В. М. Остроги
 Из альбома С. Я. Надсона
 Институт русской литературы
 АН СССР,
 Ленинград

нако в вопросе о формах этой борьбы они значительно расходились друг с другом, что видно и из публикуемого документа⁷. Что касается Белоголового, то он, в согласии со своим либерально-просветительским мировоззрением, делал ставку на мирное преобразование страны путем поднятия в ней образованности. Еще в первой статье своей в «Общем деле» — «Источники деспотизма», он писал: «Только истинное знание есть сила (...) поэтому мы должны стремиться к систематическому образованию и развитию привычки к труду. Увеличится сумма знаний в нашем обществе, поднимется уровень образования, будет у нас больше солидных агрономов, архитекторов, техников и других специалистов, тогда подымется и уровень педагогики и литературы, — и только тогда романовская корона (...) будет немислима и падет силою вещей»⁸.

После прекращения в 1890 г. «Общего дела» Белоголовый оставался за границей до 1894 г., когда переехал в Москву, где в скором времени умер. Когда именно была написана публикуемая записка об «Общем деле», явно незавершенная, в точности неизвестно, но несомненно в последние годы жизни автора, после прекращения издания.

Печатаемый текст представляет интерес в нескольких отношениях. Во-первых, это важный первоисточник для истории «Общего дела». Особенное внимание исследователей должны привлечь свидетельства Белоголового о том внимании, которое он, как редактор, проявлял к делу собирания и обнародования на страницах «Общего дела» тех фактов и событий русской общественной и политической жизни, публикация которых была невозможна по цензурным условиям в самой России. В исторической литературе еще нет работ, сколько-нибудь точно освещающих информационную ценность «Общего дела». А она несомненно значительна⁹. Во-вторых, публикуемая записка, излагающая общие принципы одного из наиболее характерных изданий русского либерализма, представляет существенный интерес в качестве одного из программных документов этого направления русской общественной мысли второй половины XIX в. В-третьих, «исповедальная» записка Белоголового, повествующая о его закулисной

редакционной деятельности в «Общем деле», представляет существенный автобиографический интерес. Наконец, обнародование неизвестных доселе страниц «Воспоминаний» Белоголового завершает собирание всех частей этого важного мемуарного памятника.

Отрывок из воспоминаний Белоголового публикуется по черновому автографу (ГБЛ, ф. 22.2.9). Из зачеркнутых мест воспроизводятся (в квадратных скобках) только те, которые имеют смысловое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. «Записки Отдела рукописей». Вып. 2, М., 1939, с. 50.

² Там же, с. 67.

³ ЦГАЛИ, ф. 285, П. Л. Лаврова, оп. 2, ед. хр. 35, л. 64—65.

⁴ Там же, ед. хр. 38, л. 40—41.

⁵ А. Х. Христов. «Общее дело». История и характеристика издания. Штуттгарт, изд. «Освобождение», 1903, с. 30.

⁶ «Общее дело», 1887, № 97. — «Хроника».

⁷ Подробнее об этом см.: Б. П. Козмин. Из истории русской нелегальной прессы (газета «Общее дело»). — Исторический сборник. Труды исторической комиссии АН СССР, т. 3. Л., изд-во АН СССР, с. 163—218.

⁸ «Общее дело», 1878, № 15.

⁹ Некоторые относящиеся к этой теме интересные наблюдения см. в статье С. С. Борщевского «Новое о Салтыкове-Щедрине». — «Новый мир», 1938, № 7, с. 258—260.

«НЕЗАКОНЧЕННАЯ ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО»

Писать автобиографии я не имею намерения и не потому, чтобы отрицал их пользу; напротив, в наш век ломки старых нравственных устоев, когда давние и общепринятые истины житейской мудрости ветшают и люди бродят впотьмах и с понятною настойчивостью и старанием ищут новой истинной путеводной нити, которая должна их руководить в преобразованной жизни, в такие времена автобиографии и мемуары составляют ценное подспорье. Как химический анализ нам необходим, чтобы определить состав и свойства исследуемого нами органического и неорганического тела, так и путем автобиографий и мемуаров должны нами выясняться причины различных человеческих побуждений и поступков. Но тут сходство и кончается, потому что химик в своих исследованиях идет по пути точно установленных законов и правил, а автобиограф подчиняется чисто субъективным свойствам своей натуры и, для того чтобы быть хорошим автобиографом, надо обладать известной даровитостью, тонким психическим анализом, осторожностью в выводах и свежей памятью. У меня если и были такие способности, то по причине моих физических недугов, давно сплыли и утратились до того, что моя автобиография вышла бы теперь простым пересказом фактов личной жизни, мало интересных и еще менее поучительных. В течение моей 25-летней медицинской деятельности, протекшей частью в Иркутске, частью в Петербурге, я приобрел себе репутацию добросовестного врача и правдивого человека, насколько репутация эта была заслужена — судить не мне, но могу одно утверждать, что никогда я не старался искусственно упрочивать ее за собой, никогда не старался казаться быть не тем, чем я был действительно по своей натуре и убеждениям. Только позднее, когда мне исполнилось 47 лет и болезнь выгнала меня из России, со мной произошло нечто такое, что заставило меня, живя за границей, изменить своему обычному открытому характеру и надеть на себя до некоторой степени личину скрытности и какой-то фальши; шла в мешке не утайшь, и мое шило неминуемо должно выплыть на свет, если не скоро, то тотчас же после моей смерти, а потому я считаю необходимым

оставить после себя мое публичное покаяние, которое должно выяснить мотивы, которые заставили меня под конец моей жизни скрытничать, действовать из-за угла, ломать какую-то комедию, словом, действовать не так, как я поступал дотоле: я хочу рассказать о той контрабандной роли, какую мне пришлось играть в «Общем деле».

Практикуя как врач в Петербурге, я работал всегда усиленно, свыше моих сил, так что к весне каждого года утомлялся до крайности и чувствовал настоятельную потребность в отдыхе. Лучший отдых для меня представляла изолированная жизнь за границей, куда я и уезжал обыкновенно в первых числах июня. В конце 60-х годов я особенно облюбывал Женеву и туда направлялся прямо по выезду из Петербурга; сюда меня привлекала прежде всего река Арва, вытекающая из ледников Монблана, необыкновенно холодная и быстрая, и купаясь в которой, я освежался и чувствовал, как в короткое время возвращались мои растроченные за зиму силы. Температура в Арве, несмотря на летний женеvский зной, всегда держалась равномерно около 7—8°, и резкость впечатления ее холода увеличивалась еще тем, что при быстроте своего падения река несла массу мелкого песка, который острыми иглами впивался в тело при погружении и делал температуру ее холодной до боли; и для смягчения этого неприятного ощущения выработался такой прием: всякий купающийся становился прежде под душем той же температуры и когда кожа его от водяной струи, так сказать, закаливалась и теряла свою чувствительность, тогда он бросался в бассейн, и, окунувшись быстро раза три, как ошпаренный, выскакивал назад и одевался; оставаться дольше не было никакой возможности, потому что болезненные судороги начинали вести мышцы икр и ступней. Вот ради этих-то купаний я и наезжал каждое лето и селился на окраинах города в пансионе, ближайшем к Арве. Жизнь я вел уединенную и почти никого не знал в Женеве; старый декабрист Поджио, к которому меня привязывала чуть не сыновья любовь, живший постоянно в Женеве, уезжал на летние жары в горы и возвращался только к началу августа в город. Из старых эмигрантов я знал только Герцена и Огарева, но Герцен в это время уже покинул Швейцарию и жил во Флоренции; Огарев же тогда представлялся полуразрушенным человеком, добрым и приветливым, но до того утратившим вследствие потери памяти интересы, что я заходил к нему изредка только, чтобы навестить его и как бы по обязанности. Молодой эмиграции в Женеве тогда было немного, но я уклонялся от знакомства и сближения с нею, потому что все в них — незаконченность их образования и вследствие того поверхностность их суждений, их бездельничество, их постоянные распри и сплетни, не ограничивавшиеся домашними скандалами, но выносившиеся в печать в форме грубых полемических брошюр, все это делало мне этих людей не симпатичными и не вызвало желания даже хоть сколько-нибудь узнать их. Спешу оговориться, я и тогда хорошо понимал, что юная эмиграция была невольным и фатальным продуктом нашего общества и что к ней строго относиться и порицать ее было бы, по меньшей мере, несправедливо, но так как зимние передрыги заставляли меня искать прежде всего в Женеве личного покоя, то вступление в бурный и страстный водоворот эмигрантских ссор прямо противоречило бы целям моего приезда. Впоследствии мне пришлось, однако, перезнакомиться со многими, сделалось это помимо меня, а именно они обратились ко мне как к врачу.

Летом 1870 года отыскал мой заброшенный пансион старушки Stochet Эльпидин и явился посоветоваться относительно своей болезни. Он уже тогда имел небольшую типографию и занимался изданием Чернышевского, а потому во второй его визит ко мне у нас зашел разговор о литературе, и я высказал свое недоумение, отчего, несмотря на уже довольно почтенные размеры русской эмиграции и на постоянный приток све-

жих сил, до сих пор после прекращения «Колокола» в среде эмиграции не затевается никакого периодического издания, и высказал мнение, что Эльпидину как собственнику типографии скорее чем кому-нибудь другому следовало взяться за это дело. Он отвечал на это, что был бы не прочь, но что в эмиграции царствует такой разлад мнений, и так все между собою перессорились, что нельзя набрать сотрудников; тогда я ему указал на П. Лаврова, бежавшего в этом году из России, как на человека очень разносторонне образованного, талантливого и имеющего большой навык в литературной работе, и советовал вступить с ним в переговоры. Я и забыл об этом разговоре, как приблизительно через месяц, встретившись снова с Эльпидиным, узнал от него, что он-таки написал Лаврову и получил от него ответ, но весьма неутешительный: Лавров выражал искреннее сочувствие намерению издавать газету, но отказывался от участия в ней, так как он всегда специально и исключительно занимался естественными науками и совсем невежда в политических вопросах. На том тогда дело и остановилось.

В 1871 году я женился и, хотя и продолжал каждое лето на три месяца выезжать за границу, но в Женеву не попадал, а отдыхал или в восточной Швейцарии или в Германии. У меня, как у старика Кошелева, была тоже привычка по выезде за границу, в Берлине, тотчас же бежать к книгопродавцам Бэру и Штуру и закупать все, что вышло на русском языке в нецензурной прессе в течение года, и потом постепенно просматривать все эти брошюры и газеты, хотя обыкновенно жатва эта была далеко не удовлетворительна, ни в качественном, ни в количественном отношении, — издавалось и мало, и почти исключительно в крайнем направлении, притом тоном жестким и неубедительно; литература эта поражала своею непрактичностью; она брала темы и идеалы западного радикализма и социализма и применяла их к России, не заботясь нисколько о том, насколько эти взгляды и принципы, оказывавшиеся утопичными и в культурной Европе, применимы к нашей полудикой стране, где освобождение крестьян, дав первый толчок к материальной независимости, еще не пробудило в массах той духовной стороны, которая заставляет стремиться к освобождению нравственной личности. Газета «Вперед», например, самым серьезным образом предлагала произвести революцию с тем, чтобы по уничтожении существующего строя предоставить самому народу организовать новое идеальное государство, вполне удовлетворяющее благосостоянию народа. Конечно, взрослому человеку трудно было бы читать без смеха подобные проекты наших кровожадных, а в сущности весьма наивных заговорщиков, но наша зеленая молодежь набрасывалась на эти доктрины с того берега, принимала их на веру и делала из них реальную подкладку своих тайных заговоров. В этом страшном хаосе кровавой борьбы ультрарадикальных доктрин, принесенных с Запада, с бешеным и потерявшимся от злобы деспотизмом — положение среднего человека было воистину трагическим: с одной стороны стояли крайние идеалисты, задумавшие водворить на земле всеобщее счастье, уравнивать общий раздел материальных богатств и доставить массам наслаждение жизнью в той же мере, в какой до сих пор это составляло привилегию меньшинства; эти люди решили достигнуть такой гигантской задачи быстро, на протяжении своей индивидуальной жизни, атак как подобный внезапный переворот не может совершиться правильно и покойно, то они решили произвести его насильственно, взять, так сказать, с бою, и сочли себя в праве для достижения своей высоконравственной задачи не брезговать никакими средствами на основании иезуитского правила: цель оправдывает средства; поэтому они сошли с пути мирной пропаганды своих идей и обратились к старым приемам, завещанным нам историею любой варварской борьбы, — ко всяким насилиям, убийствам и т. п. [Мог ли средний человек искренно сочувствовать людям этой

тогда как правительство и от этой жизни старалось передвинуться еще назад.

Вот почему я очень обрадовался, когда, приехавши весной 1877 г. в Берлин, нашел у книгопродавца Штура первый № только что появившегося «Общего дела» и, пробежав, увидал, что новая газета обещает быть органом людей умеренных, не заскакивающих чересчур вперед и признающих, что обнародование конституции должно послужить первым шагом, который должен вывести Россию на дорогу западноевропейского развития. Время для успеха нового издания было весьма благоприятное: начиналась русско-турецкая война, Россия выходила из своего полусонного состояния и начинала более внимательно вчитываться в газеты и приглядываться к своему положению; спрос на русские газеты достиг до небывалых дотоле размеров, и тем более он должен был явиться на русскую газету, не стесняемую никакими цензурными придирками, а говорившую свободным и смелым языком; конечно, газета эта не могла проникать в Россию, но ничто не препятствовало свободному обращению ее среди масс русских офицеров, наполнивших вместе с войсками тогда Румынию и Болгарию, и среди многочисленного чиновничества, сопровождавшего армию. Поэтому я тотчас же послал редактору Эльпидину сочувственное письмо, приветствуя новый орган и рассыпаясь в самых искренних благопожеланиях, и тут же на зубок новорожденному приложил 300 р. Новорожденный, однако же, не оправдал моих надежд: вышел он каким-то хилым и недоношенным созданием с задержанным ростом и, видимо, не внушал к себе симпатий в своих читателях; наполнялся он или статьями, хотя и не дурными и честными, но слишком теоретическими Христофорова, или пасквилями в огромном случае весьма дешевого и балаганного остроумия, принадлежавшими перу Зайцева, и иногда статьями Алисова, о которых лучше и совсем умолчать. Чувствовалось, что глашатаи «Общего дела» взяли ноту, на которую не встречалось отзвука в публике, а между тем они, несмотря на свою талантливость, а в силу отсутствия в них политического чутья, продолжали упрямо тянуть ее, — но бесконечные и однообразные шуточки раздражали и надоедали страшно, особенно в такое время, когда положение все делалось серьезнее и русская кровь потоками проливалась на Балканах.

Но я все не терял надежды, что дело поправится и, главное, рассчитывал, что газета, как умеренный орган, привлечет более свежие и практические силы со стороны, которые дадут ей более живое и более соответствующее цели направление, а потому продолжал поддерживать издание небольшою денежною субсидиею, а в 1878 г., осенью, перед отъездом в Россию, дал первую свою статью «Источники деспотизма», в которой пытался доказать, что русское самодержавие получает свою главную силу из невежества общества, его разрозненности, увлечения крайними доктринами, и советовал искать своего идеала не в далеком тумане западных социалистических учений, а прежде всего в собственном своем упорядочении и в конституции. После этой первой писательской попытки у меня сделалось правилом во время ежегодного моего выезда летом за границу писать для «Общего дела» разные корреспонденции и мелкие статьи, передавая в них разные выстоявшиеся факты, происшедшие за зиму в Петербурге и в Москве; сам я во все это время в Женеву не заезжал и личных свиданий с Эльпидиным не имел и только изредка с ним переписывался, причем о материальном положении издания решительно ничего не знал, и хотя меня крайне интересовал количественный сбыт газеты, как мерило большего или меньшего ее успеха, но я находил неделикатным расспрашивать о том.

В 1878 г. осенью я в первый раз увидел А. Х. Христофорова в Париже, и мы тотчас же сошлись с ним. Это был человек очень симпатичный, честный и необыкновенно скромный, чуждый всякого мелочного самолюбия

и глубоко преданный изданию «Общего Дела». По внешности он был небольшого роста, глуховатый, с сильным глухим голосом и с резкою асимметрией лица, и чрезвычайно напоминал собою тип хилого, замороженного русского мужичка; но под этою невзрачною оболочкою скрывалось богатое знакомство с социальными вопросами, много самолично передуманного и переиспытанного и значительное мастерство излагать свои мысли в печати; большой недостаток в нем составляла чрезмерная апатия и лень, которые, впрочем, в значительной степени объяснялись его болезненностью. В прошлом своем Христофоров проделал ту почти неизбежную школу, которую проделали почти все его современники, т. е. юноши, охваченные движением начала царствования Александра II: будучи студентом Казанского университета, он попался в какой-то политической истории и провел несколько лет в административной ссылке сначала в Архангельской губернии, а потом — на Волге. По окончании ссылки он выехал во Францию, где у него жила сестра, бывшая замужем за французом, и, имея небольшой наследственный капитал, поселился в этой семье — сначала в окрестностях Парижа, а потом с нею же перебрался в Швейцарию. Давний выезд из России не мог не повлиять на него в том отношении, что он не совсем ясно и правильно понимал русскую действительность, ибо не мог вблизи наблюдать за метаморфозами общественного мнения, происшедшими в 1870-х годах, и ко всем последующим событиям относился с точки зрения, вывезенной им более 10 лет назад из России. Вся натура Христофорова так располагала к искренности и доверию, он сам так увлечен был «Общим делом», что у меня сразу установились с ним самые откровенные отношения и я не находил нужным скрывать от него своего желания поддерживать издание как денежно, так и статьями.

Совсем иначе держал я себя с другим столбом «Общего дела» Зайцевым, с которым познакомился весною 1880 г., когда впервые попал в Ментону. Зайцев, после многих колдовратностей в своей эмиграционной жизни, жил тогда в этом городе с женою и дочерью в семье одного польского эмигранта, у которого за стол и квартиру занимался уроками с сыном, — и, кроме того, давал уроки в нескольких русских семьях Ниццы и Ментоны. Он, в противоположность смирному Христофорову, владел большим апломбом человека, приобретшего известность, и высказывал в своих суждениях непререкаемую самоуверенность, несимпатичную мне тем более, что суждения эти и взгляды так и застыли в Зайцеве в той форме, в какой лет 15 назад проповедовались Писаревым и им самим; он так и остался чистокровным нигилистом 60-х годов, всеотрицающим, не уважающим никаких традиций и практических условий и требований времени и не терпимым к несогласным с ним взглядам. А между тем несомненно он был человек даровитый и с обширными и солидными познаниями и, если бы обстоятельства жизни не вытолкнули его из нормальной колеи правильной жизни, ему наверно суждено было бы занять видное место в истории русской литературы, — тогда как теперь он подписывал только свои скоморошные статьи в «Общем деле», в которых часто, пожалуй, и замечалось остроумие, но слишком мелочное, а главное, слишком радикальное, чтобы достигать какого-нибудь практического результата. Этою своею непрактичностью его юмористические статьи меня просто злили, и я считал, что они много задерживают успех «Общего дела». Все это вместе взятое сделало то, что я, прожив шесть недель в Ментоне и видясь с Зайцевым чуть не ежедневно, не заводил с ним ни разу разговора об «Общем деле», хотя в этом году участвовал уже очень усердно в газете и, именно живя в Ментоне, написал «25-летие царствования Александра II», одну из самых длинных моих статей.

Чтобы уяснить всю разнокалиберность состава статей в «Общем деле» и разность во взглядах ее сотрудников, может отчасти служить эпизод,

происшедший по поводу названной моей статьи: я в конце ее высказал мысль, что народная революция в России грозит уничтожением даже тех немногих зачатков европейской культуры, которые она уже усвоила, и отбросить народ назад в давно пережитую уже эпоху. Это суждение вызвало протест со стороны Зайцева и Морозова, впоследствии посланного в Сибирь, а в это время изредка помещавшего в газете небольшие статьи; они отказывали в дальнейшем сотрудничанье, если только в «Общем деле» будут проводиться такие взгляды на русскую революцию. Эльпидин прислал мне эти протесты, и я их принял к сведению.

Между тем, связь моя с газетой все становилась крепче, так что я, проводя зиму 1880—1881 г. в Петербурге, даже оттуда нашел возможность прислать две корреспонденции, а когда в 1881 г. бросил совсем практику и выехал за границу на неопределенное время, то стал работать на газету постоянно. Выезд мой из России, конечно, главным образом зависел от моего болезненного расстройств, состоявшего в крайнем истощении нервной системы и невозможности заниматься своими медицинскими обязанностями так ревностно, как я делал до того; я стал замечать, что мои домашние приемы больных начинают меня не только утомлять, но и раздражать против пациентов, и делать капризным в сношениях с ними, что никогда не входило в мой нрав, всякая лишняя консультация ставила мою голову в невозможность разобрать с обычною обстоятельностью представлявшийся случай, — и в конце концов я пришел к убеждению, что так дальше нельзя продолжать дело, как без ущерба для себя, так и для пациентов. Очень может быть, что будь общественные условия жизни в России попримрачнее, я бы не решился так радикально перерубить затягивавшийся на моей шее узел, а сначала попытался бы распутать его, т. е. попробовал бы ограничить себя в занятиях, уменьшить число приемных дней и число визитов, — но как раз тут подошло убийство Александра II, падение графа Лорис-Меликова, обнаружение манифеста от 29 апреля о намерении царя укреплять самодержавие, — словом, обнаруживались все такие признаки времени, которые ясно говорили, что жизнь в России для человека моих взглядов и убеждений станет еще тяжелее и непривлекательнее, чем была дотопе, — и я в конце мая выехал из России с намерением вернуться только тогда, когда условия русской жизни изменятся, хотя можно было предвидеть, что это произойдет не скоро.

В наступившей затем для меня праздной жизни вечного туриста участие в «Общем деле» являлось и развлечением и удовлетворением тому чувству протеста, которое постоянно скапливалось на душе при виде совершающихся безобразий как со стороны правительства, так и общества, а потому я стал давать свои статьи уже для всякого номера. Скоропостижная смерть Зайцева в Кларане в 1881 г. была мне скорее на руку, потому что устраняла из газеты сотрудника, который, по моему мнению, только вредил ей и своим радикализмом и шутовским тоном своих статей, — и я стал надеяться, что Христофоров и я, оставшись вдвоем, своею умеренностью сумеем привлечь к изданию новые и свежие силы, особенно я рассчитывал, что летом, когда такое множество русской интеллигенции, профессоров, литераторов, выезжает для отдыха или для лечения за границу, ко мне будут присылать статьи и разные сообщения из России как в единственный орган свободного русского слова; мне казалось, что всякий интеллигент, вырывающийся из России, как из душной бани, через Вержболово, должен более или менее ощущать потребность [если не] высказаться [то выругаться] и излить то, что у него накопилось горького на душе, и рассчитывал, что «Общее дело» может послужить для этих целей. Однако и это предположение не сбывалось, — не только не приходило новых сил к нам на подмогу, но ниоткуда не получалось даже простого сочувствия нашему предприятию. Сбыт газеты также был весьма неудовлетворитель-

ный, правда, точной цифры его никогда ни Христофоров, ни я не знали и предоставили типографскую и хозяйственную часть в полное распоряжение Эльпидина, но по более чем скромной жизни последнего можно было заключить, что и с этой стороны дела газеты идут далеко не блестяще. Правда, в начале 80-х годов у нас в заграничной печати было немало конкурентов, — так в 1881 году начало выходить в Женеве умеренное «Вольное слово»; газета эта располагала хорошими материальными средствами, выходила сначала еженедельно и, когда поступила под редакцию Драгоманова, дала много солидных и интересных статей, но прекратилась, не просуществовав и году. Кроме этого умеренного органа, подхлотившего по умеренному направлению к «Общему делу», выходили революционный сборник книжками «Вестник Народной воли» и весьма странная газетка с анархическим пошибом «Правда», издававшаяся неким Климовым, который, как впоследствии обнаружилось, был тайным полицейским агентом, и самое издание его имело провокаторское назначение.

В сентябре 1882 г. я впервые через 10 лет попал в Женеву, куда меня привлек международный Женевский конгресс, и то благодаря тому случайному обстоятельству, что я жил тогда на Женевском озере. При таком удобном случае я устроил свидание и с Эльпидиным и с Христофоровым, проживавшими тогда летние месяцы всегда в Женеве; результатом его вышло мое полное разочарование в Эльпидине. То, что при переписке с ним казалось мне недодуманностью с его стороны и шероховатостями, которым не следует давать значения, тут, при личном обмене мыслей, сразу и резко ударило в глаза. Я нашел в нем не только совершенное отсутствие определенных политических взглядов, но самый бестолковый и невежественный взгляд на печать. Притом вся его внешность и манеры [грубостью своих приемов производили отталкивающее] производили свою неотесанностью весьма невыгодное впечатление. Сын сельского священника Симбирской губернии, он так и оставался бурсаком, несмотря на многолетнее пребывание за границей; говорил бессвязно, чавкая, ерзая на стуле и затрудняясь в выражениях, а между тем в сметке ему отказать нельзя, но именно в сметке [кабатчика или кулака] неотесанного простолюдина, не имеющего ничего общего с качествами, требуемыми для редакторского дела. До чего он имел дикий взгляд на свою газету, достаточно привести один факт; я все горевал, что не является свежих сил на поддержку издания, и пугал его тем, что оно может остаться совсем без материала. Тогда он самым серьезнейшим образом предложил: «Да нельзя ли перепечатывать старые статьи, помещенные 3 или 4 года <назад>? У нас читатель переменный и не скоро узнает, что это — старые вещи». Но, несмотря на все мои разочарования в Эльпидине, я уж слишком втянулся в издание, мне все хотелось добиться от него чего-нибудь путного, сделать его органом либеральных людей, и мы решили продолжать дело сначала на прежних основаниях, но, вскоре убедившись, что эти основания слишком не прочны, я решил испробовать новую комбинацию.

Едучи в 1883 г. на зимовку в Ментону, в октябре я остановился в Лионе, где назначил свидание для переговоров с Эльпидиным. Здесь я предложил ему выпускать аккуратно по одному месячному номеру в печатный лист и обязывался немедленно по выпуске такового уплачивать типографии по 100 франков; взамен этого я настаивал на том, чтобы ни одна статья не появлялась в газете без моего предварительного просмотра, ибо хотел удержать ее в программе либерального органа с задачей пропагандировать идею о конституции, добываясь последней мирными, не революционными путями; ставя себя цензором всякой статьи, я надеялся, что в «Общее дело» не будут впредь попадать чересчур резкие и радикальные статьи, как это до того зачастую случалось по причине снисходитель-

ности и уступчивости Христофорова и большой бестактности Эльпидина, и которые могли отпугнуть от газеты <как> наиболее подходящих сотрудников, привлечение которых было наиболее желательным, так и тот контингент читателей умеренных воззрений, органом которых должно было служить издание. Эльпидин не только без всякого возражения, но с большой радостью принял мое предложение принять <на> себя все хлопоты по изданию русской газеты при бесконтрольном пользовании им доходами его газеты. [И таким образом я стал закулисным редактором «Общего дела».] Материально операция эта представлялась для него довольно выгодной: печатание номера по его расчету обходилось в 135 рублей, из них 100 рублей должно было с этого времени покрываться моим взносом; печаталась газета в количестве 500 экземпляров, значительная часть которых раскупалась, особенно в летнее время, когда русские туристы в большом количестве появлялись за границей, но немалая часть оставалась нераспроданной в руках книгопродавцов или комиссионеров в разных странах Европы и возвращалась впоследствии назад к издателю. Таким образом, доход с каждого номера получался неравномерный, не подлежащий точному учету, но все же небольшой был и мог служить некоторым подспорьем в далеко не богатой жизни Эльпидина с семьей, и в виду этого он легко поступился своим главенством в редакторстве.

Таким образом я сделался фактически главным редактором «Общего дела». Не раз задумывался я над вопросом, не выступить ли мне открыто из-за кулис и не признать ли печатно себя главным руководителем газеты? Если бы я был убежден, что подобный поступок обратит большее внимание на газету, поможет ее [большему] распространению и вызовет действительное содействие ее успеху в виде обмена мыслей, сообщения фактов, корреспонденций и т. п., тогда бы я не задумался выставить открыто свое имя, и притом считал бы такое самопожертвование для себя не особенно чувствительным и вовсе не героическим. Трусить мне было нечего: за невозможностью вернуться снова к медицинской деятельности я считал свою карьеру в России законченной и, уезжая за границу, привел свои финансовые дела в такой порядок, что мог прожить с женой за границей до нашей смерти совершенно безбедно, тем более, что мы оба были люди очень расчетливые и умеренные в житейских потребностях; стало быть, с этой стороны мои корабли для возвращения в Россию при существующем режиме могли быть сожжены без особенных лишений. Сделавшись добровольным изгнанныком, я не мог бояться и того, чтобы длинная рука русского правительства могла бы когда-нибудь достать и схватить <меня>, потому что при умеренности моих убеждений и строго конституционной пропаганде ни одна европейская держава, под сенью которой я бы устроил свое местожительство, не имела бы ни повода, ни права признать мою деятельность опасной и выходящей за пределы дозволенной по ее внутренним законам. Так что иррозных <!> последствий для меня лично ниоткуда быть не могло, а удержала от открытого выступления в качестве редактора прежде всего забота об успехе самого издания. Я сознавал, что я писатель и публицист более чем заурядный и далеко не обладавший таким талантом, чтобы глаголом жечь сердца читателей, а потому не мог рассчитывать на большой успех [одной] только идейной пропагандой превосходства конституционного порядка над самодержавным, пришлось бы пережевывать все одно и то же, и, конечно, такое повторение одной темы, излагаемое без большого блеска и даровитости, скоро бы надоело читателям. Гораздо больше шансов для распространения газеты представляло собирание и обнародование тех фактов и событий в нашей государственной жизни, о которых цензура в России запрещает говорить или которые передаются русскими газетами в такой форме, что совершенно извращают общественное мнение и суждение о них, а между

тем надлежащая группировка и освещение таких фактов лучше всяких рассуждений доказывают, как самодержавная форма постепенно, несмотря на всю свою внешнюю силу и могущество, становится бессильной и неспособной справиться с управлением страной по тем многочисленным и разнообразным задачам и требованиям, которые предъявляются теперь ко всякому государству, вынужденному удовлетворять дух современной эпохи и европейской цивилизации. Наконец, думалось мне, что если, в худшем случае, наше издание и не встретит сочувствия у современников, то значительный склад в нем таких фактов, которые невольно должны были быть замолчены русской журналистикой, пригодится для потомков как материал для изучения нашего времени не по одним только подцензурным органам.

Установивши таким образом на первом плане сообщение закулисных фактов, я не мог не сообразить, что в этом отношении признание себя редактором заграничного органа может только повредить изданию. Оно бы только закрыло для меня самый главный источник, из которого я рассчитывал собирать этот фактический материал, потому что, наверное, отдалило бы от меня тех старых знакомых и многочисленных больных, которые, выезжая за границу, разыскивали меня или чтобы повидаться со мной, или чтобы посоветоваться. Недостаток гражданского мужества в наших интеллигентных соотечественниках был мне хорошо известен, и я был убежден, что стоит только мне открыто выступить перед правительством врагом существующего порядка, как если не все, то огромное большинство отхлынет от меня, — и я останусь как рак на мели, без всяких сведений, новостей и без возможности послужить газете тем материалом, в котором видел главный залог успешной пропаганды необходимости конституции. Вот по этим-то соображениям я и решился хранить втайне свою редакторскую деятельность.